



А. МЕРЗЛЯКОВ

ПРОКЛЯТЫИ

ЗЛО ОБРЕТАЕТ ЛИЦО

Андрей Мерзляков

Проклятый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28266557

ISBN 9785449013255

Аннотация

Хоррор про двух друзей, столкнувшихся лицом к лицу с чем-то извне в старом заброшенном доме. Что-то странное происходит за забитой фанерой дверью. В городе ходят жуткие легенды о данном месте. И вот главные герои, подростки, забираются внутрь, даже и не представляя, что произойдёт дальше. Гарантирую, что данная книга вас удивит детальностью проработки окружения и медленного погружения в кошмарный мир.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Проклятый

Андрей Мерзляков

© Андрей Мерзляков, 2019

ISBN 978-5-4490-1325-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дорогой читатель, прежде чем начать читать, предлагаю несколько советов от себя, от автора. Лучшие читать поздней ночью, лежа в постели. Так будет во-первых атмосферно, а во-вторых, лично по моему опыту чтения на ночь перед сном, интереснее, и возможно, даже страшнее! Мы же готовимся к прочтению книги хоррора? Так что следуем предложенной выше инструкции. На самом деле, читатель, я специально нагоняю страху. Не помню ни одной из ныне прочитанных книг, что меня хоть чуточку напугала. Может быть, для тебя эта будет одна из таких? Как думаешь?

Но сперва убедись, дорогой читатель, точно ли ты запер входную дверь. Не открыты ли вдруг окна в доме? Пока ты читаешь эти строки, возможно, ты уже не один сейчас, мой друг?

Ну что ж, если все хорошо, тогда начнём. «Проклятый» ждёт. В конце ты поймешь, кто в этой истории проклят. Может это забытый всеми обитель? Или главный герой книги? Может его друг? Ответы сами придут в конце. Может тогда «Проклятый» и обретёт покой в этом странном мире.

Всё умолкает в чертогах мертвых.

Все – забвение в каменных залах мертвых.

Узрите ступени, во тьму уводящие; узрите палаты, в руинах лежащие.

Вот владение мертвых, где паутину прядут пауки, и вращение свечей замирает.

И свечичи гаснут один за другим.

Цикл Темная Башня

Обычным теплым днем, перед самым дождем, когда тучи еще не совсем заволокли небо, а только начали сгущаться, я играл в центральном парке в нашем городке. Кругом бегали ребятишки примерно моего роста, и я среди них мельтешил, глядя над собой. На моих ножках красовались калоши почти до колена. Мне было четыре, и единственная моей целью сейчас было, казалось, чтобы воздушный змей поднялся как можно выше в небо, благо нить это позволяла. Ветер игрался не только с моим змеем, на котором пестрела мордочка кошки с зелеными глазами. У детей имелись такие же приспособления, как у меня – разноцветные, с чудными рисунками, и они так же развивались на ветру, как маленькие дирижабли. Я слегка ослаблял ручку и выпускал по чуть – чуть нить, пропуская ее через зажатый кулачок. От этого змей улетал всё выше и выше, храбро раскачивался в воздухе, почти касаясь темно – голубых облаков. Наверное, мне так казалось, что это так высоко, почти рядом с космосом, потому что я был тогда еще крохой. Я видел знакомые лица родителей, они сидели на лавочке неподалеку и кормили голубей. В пар-

ке было людно, но преобладала в этот день суетная детвора, детский смех, шум и гам повсюду. Родители, увидев, что я смотрю на них, помахали мне ручками и заулыбались. Мама красивая, счастливая. Папа ее любит, ведь если вдвоём они все время смеются и улыбаются, разве не в этом ли заключалось счастье? Мама иногда говорила про искорку между ними, а я не понимал, как она может быть между людьми, если эта искорка живет в розетке? И в телевизоре.

Маленький камушек попался под ногу, и я чуть не кувыркнулся. Но быстро исправился, выпрямился, дабы не упасть и не расстроить родителей: не возможной травмой от падения, а больше своим ревом. Я бежал быстро, почти не смотря под ноги, но змей летел быстрее. Потом я вдруг подумал, что отдаляюсь от места, где сидели на лавочке родители. Поэтому я остановился и оглянулся, заметив, что я все там же в парке, но почти достиг изгороди, где он заканчивался. В этот момент змей выскользнул из руки, а за ним в небо потянулась тонкая веревка, которая уплывала ввысь следом.

– Змей, стой, прошу! – потянул грустно к нему руку я, но тот словно не услышал. Мне стало обидно.

Я посмотрел вперед на улицу, видневшуюся через коротко подстриженные кусты. Там гуляли люди, кто—то из них жевал хот-дог, кто—то просто шел по своим взрослым делам. Машины сновали, мелькая, туда-сюда, чуть дальше. Вдруг из-за изгороди, там, где шли прохожие, выглянул воз-

душный змей. Это точно был мой, так как свою кошку с зелеными глазами я помнил хорошо. Он будто стеснялся и в тоже время манил. Выглядывал из— за угла и тут же пропадал, прятался. Значит он вернулся!

– Змей! – крикнул я ему.

Змей вновь показался из-за угла, сверкнув кошачьим глазами. А потом и вовсе пропал из виду, оставив после себя хвост веревки зигзагом на мостовой. Я был так увлечен увиденным, что не замечал, как зовут меня по имени родители, которые обнаружили мое отсутствие. Я сделал несколько шагов навстречу изгороди.

– Змей, это ты? – вновь повторил я, словно был загнипнотизирован увиденным. Из—за угла веревочка завилыла, будто хвостик у собаки, словно говоря мне: «Подойди, малыш, я вот тут. Поймай меня». Хвостик вилял, и я закатился от этого зрелища смехом, не подозревая об опасности, рванул за нитью прямо через кусты, пытаюсь схватить ее ручонками.

Примерно за минуту до момента, когда я пытался поймать воздушного змея, один из четырех подростков, что в этот день сидели в машине, был слегка выпившим. Совсем немного, всего чутка пива, думал он, понимая, что если его остановят служители закона – ему придет хана, ведь машина была не его, а отца. Но друзья сидели рядом, и он чувствовал себя королем дороги, главным в этой компашке. Машина, не сбавляя скорости, неслась параллельно изгороди парка,

и когда бампер поравнялся с началом широких металлических ограждений, на проезжую часть вдруг выскочил ребенок. Раздался резкий визг тормозящих шин, водитель с испугу вдавил пяткой педаль тормоза, но что-то в его затуманенной алкоголем голове не сработало и он надавил со всей дури на педаль газа, вместо тормоза.

Я, стоя на проезжей части, смотрел на приближающиеся фары, и мне показалось, что машинка еще далеко. Следом я посмотрел на веревочку в руках. Но там ничего не было, как и змея за углом, который зачем-то прятался. В следующую секунду мое тельце словно наполнили воздухом, и я полетел как воздушный шарик. Как воздушный змей, подумал я. Через миг голова моя легла на бордюрный камень, а в глазах замелькали искорки.

Я смотрел на свои колоши, но они почему-то лежали чуть ли ни на другой стороне дороги: одна кверху подошвой, другая на боку. Я не мог шевелиться, и подумал, что мне все это снится. Машинка, прячущийся воздушный змей, который махал мне хвостиком. Нужно будет маме рассказать, когда проснусь, свой необычный сон. А потом рядом с моим лицом поползла крошечная красная змейка. Она убежала вперед по тротуару, и только потом я сообразил, что это была кровь. Затем вдруг стало темно, будто я поздней ночью проснулся в своей комнате. Но в этой комнате, в которой сейчас я очутился, не было ни моей кровати, ни телевизора, ни моих игрушек. Там была лишь пустота, такая чер-

ная, въедающаяся в глаза так сильно, что хотелось плакать. Я испугался, но когда услышал знакомый голос рядом – мне стало спокойно. Это был голос мамы. Она почему-то кричала. Кричала много раз мое имя. А какой-то человек испуганно и очень громко ответил ей:

– Срочно звоните в скорую! Мать, у него сердце не бьется!

Больше я ничего не слышал, потому что наступила тишина и я растворился в темноте, будто заснув в этот раз навсегда.



Глава 1

Старый дом стоял заброшенным давно. Никто не помнил, когда бывшие владельцы его покинули, но люди говорили о какой-то старухе и ее семье, которые там жили лет десять назад. Дом оброс зеленью, словно стеной, и даже издалека его очертания пропали из виду. Первый этаж затянули кусты, второй заслонили деревья. И вскоре о существовании дома практически забыли. Иногда к засохшему каналу, неподалеку от дома, забредали мальчишки. Некоторые из них бросали камни в окна. Скучное занятие, когда в ответ лишь мертвая тишина. Рассказывали, что девочка, жившая там, сначала пропала при странных обстоятельствах, потом ее тело обнаружили в еще тогда не иссохшем канале. Говорят, был еще маленький мальчик, который тоже пропал по непонятным причинам. Маленькие городки всегда за душой имеют какие-то городские легенды, которые с годами обрастают еще более странными историями. После этого старуху живую никто никогда не видел, даже бакалейщик, приносивший еду. Сквозь занавески маячила тень кого-то, за дверью скрипела половица, было слышно шарканье ног, но на улицу никто не выходил. Возможно, старуха просто не смогла смириться со смертью близких, которые неизвестно кем ей являлись, поэтому изолировалась от мира сего навсегда. Никто не помнил, когда она умерла, десять лет назад или еще раньше.

ше, но говорят, обнаружил ее парень, который по просьбе администрации города приносил ей продукты. Еду с порога она так и не забрала, когда он пришел в очередной раз. Вскоре о доме совсем забыли. Канал, проходивший рядом, высох, а пустырь вокруг здания заполонили всевозможные сорняки, будто специально скрывшие дом от посторонних глаз.

Черные тучи затягивали небо, по крыше дома хлестал дождь, времена года менялись, а он так и стоял, будто изгой вдали от людской суеты. Так он и оброс не только зеленью, но и историями, которые рассказывают друг другу ночью у костра. Историями, после которых мерещится всякое.

* * * *

– Я думал, ты ссышь, пацан, – тыкнул пальцем меня в плечо Бобби. Он был еще тем забиякой, но мы с ним ладили. Правда, не всегда.

– Я выпил эликсир храбрости, – уверенно ответил я. Хотя вдруг в животе заурчало и на меня нахлынуло странное чувство. Такое, как тогда, когда получил по шее от мамы, за то, что с друзьями разорвали повседневную одежду и измазались красной краской с ног до головы, дабы изобразить зомби. Да, это же чувство, сейчас! Чувство страха. Да я боялся этого дома до чертиков, но пытался подавить это чувство в себе всеми способами.

– То есть хочешь сказать, что ты не боишься?

– Боюсь! – засмеялся я. Смех получился слегка наигранным.

– Историй тебе на дорожку рассказать? – остановил велосипед Бобби. – О, черт! Посмотри на окно на втором! Там кто-то есть!

И правда, среди ветвей деревьев, похожих на костлявые пальцы, виднелось окно с темным силуэтом за ним. Черное пятно за грязным стеклом. Им вполне мог оказаться подсвечник, статуэтка, либо какие-нибудь часы на столе по ту сторону. Я сконцентрировался, глядя на окно и пытаюсь разглядеть хоть какое-либо движение. А сам в голове образно начал забиваться с нарастающего страха под кровать. Тут резко что-то мягкое коснулось моего плеча. Я подпрыгнул, и сердце в груди вместе со мной.

– Бу! – это был Боб. Он неожиданно хлопнул мне ладонью по плечу, отчего я подскочил на месте, будто по ногам мне начали палить, как в телевизоре в каких-нибудь вестернах делают ковбои.

– Ты сволочь! – сказал я ему, держась за грудь, – я, кажется, обделался.

Друг засмеялся, потом я его поддержал, перед этим хорошенько пнув под зад. В окне не было никого. Лишь неподвижная тень, которая всё равно вызывала какое-то ощущение беспокойства. Я старался больше не смотреть в это окно. Но казалось теперь кое-что другое. Окно смотрело на меня. Черт подери, я серьезно! Сквозь грязные занавески, пыль-

ные стекла нечто с той стороны, словно из другого мира, не сводило с меня своего взора. Будто пыталось проникнуть ко мне в мозг, в душу, забраться под кожу. От этих мыслей пробирало до костей. Я отмахнулся от них, как от назойливо жужжащего над ухом москита.

Мы подкатали велосипеды прямо к стене из кустарников. Зелень торчала хаотично и была местами выше головы. Вот что происходит, когда не стрижешь газон. Едва различимая тропа уходила к фасаду дома, скрытому благодаря зарослям. Проход на крыльцо зарос, но маленький портал остался. Словно какой-то карлик бывал здесь иногда и оставил прорезь себе на будущее.

– Через дверь я явно не пройду, не думаю, что она открыта.

– Залезь через то окно, – указал Бобби на второй этаж.

Я опять посмотрел на темное пятно за стеклом. Ни малейшего движения. Где-то вдалеке каркнула ворона.

– Ну уж нет! Я, конечно, могу забраться по сливной трубе на крышу, а потом залезть в окно, но я же никакой-то там вор! Спор был какой? Забраться в дом и притащить какую-нибудь безделушку. Так?

– Ты с кем там разговариваешь, а? – слышалось из-за спины. Я обернулся и обомлел. Метрах в десяти стоял Бобби с велосипедом. Он опять шутит?!

– С тобой вообще-то, ты же тут стоял, – указал я рядом с собой пальцем, ухмыляясь.

– Ты дурачок, это ты там с кем-то лялякаешь. Я здесь был, а ты ушел вперед. У меня камень в кроссовок попал.

– Шутки твои ни в какие ворота, – показал ему кулак я, а потом превратил его в кулак и средний палец. Бобби подошел ближе, лениво волоча за собой велосипед. Переднее колесо почти превратилось в восьмерку, но все равно крутилось как ни в чем не бывало.

– Ну, так ты готов?

– Да, – сухо сказал я. Потому что я не был готов. Желание сбежать отсюда росло с каждой минутой.

– Я слышал, что старуха убила свою дочь. А потом и мелкого, пацана.

– О, да. Продавец комиксов сказал, что девчонку нашли обезглавленную. Много кто чего рассказывает.

– Кстати, знаешь же, что голову так и не нашли? Говорят, тот, кто нашел труп старухи, видел ее сидящим в доме рядом с маленьким гробиком. Она умерла, облокотившись на него. Он был пуст, а тельце мальчика так и не обнаружили. Удобный момент я выбрал для рассказов? – расплылся в улыбке друг.

Меня передернуло. Я думал, что это все выдумки, хотя может и так, но видимо многих подробностей я не знал. А слухам верить, что верить в существование Санта Клауса.

– Давай ты не будешь меня пугать, а то сам туда полезешь, – я толкнул Боба в плечо. – Достал уже.

– Ладно, – почесал за ухом друг. – Мы так и будем болтать

тут до вечера? Или все-таки возьмем ноги в руки и пройдем хотя бы дальше забора?

Я кивнул, положил велосипед на бок, Бобби повторил за мной. Протиснулись в проход из зелени, и дом предстал пред нами во всей красе. По правде, то, что я увидел, не имело ничего общего с понятием красоты. Дом напоминал громадную голову скелета из какого-то приснившегося кошмара, где глазами были окна, а ртом являлась входная дверь. Переносицей служил навес между первым и вторым этажом. В пустом дворе раскачивалось сидение от старых качелей, болтаясь на остатке цепи, краем бороздя по земле. Нижняя распорка у конструкции была так перекошена, что того и гляди завалится на бок в любой момент. Старый сад давно завял, хотя вокруг дома растения – сорняки чувствовали себя достаточно уверенно. Скелеты некогда плодовых деревьев торчали будто столбы из выжженной земли. Поодаль располагился потрескавшийся по окружности фонтан. Сверху него на нас уставился ангел, статуя которого осыпалась со временем и почти потеряла прошлые очертания. Внутри, в зеленой воде, плавали какие-то непонятные черные мешки. Будто утопленники, которых вытолкнул воздух со дна.

Подходить к фонтану я бы не хотел, одного вида издалека хватило, чтобы живот опять недовольно заурчал.

Слева был сарай, дверь которого болталась взад-вперед на одной единственной петле от малейшего ветерка. Внутри виднелась садовая утварь, видимо до того старая, что за все

время отсутствия жильцов в доме ее никто так и не уташил. Бобби вприпрыжку оказался у входной двери в дом, а потом дернул ее на себя. Та со скрипом поддавалась. Но распахнув ее, мы увидели лишь заколоченный изнутри проход. Неведомо кто закрыл его от любопытного взора широкими плахами с той стороны.

– Ну, значит только через крышу, – ухмыльнулся друг, возвращая дверь в исходное положение.

– Подсадишь?

– Конечно! Только давай сперва осмотримся, может лестница у старых жильцов где-нибудь завалилась!

Я с охотой согласился. Мы заглянули в сарай. Ничего подходящего не найдя, завернули за дом, обойдя крыльцо. Окна на первом этаже были разбиты, а изнутри заколочены, как и входная дверь. На втором этаже окна с этой стороны были первозданного вида. За домом был маленький сад. Был, потому что все, что когда-то здесь цвело, превратилось в сухие палки. По земле разбросаны ведра, несколько лопат, чуть дальше в кучке отсыревших поленьев в чурбане торчал топор. Ничего живого. Словно тот, кто когда-то здесь работал, просто исчез, побросав садовые принадлежности. Я наступил ногой на какой-то старый побег на земле. Тот издал хлипающий звук, лопнул прямо под ботинком, как хлопушка.

– Фу, – вскрикнул я, прыгая на одной ноге. – Что это за гадость?!

Бобби заржал, посмотрев на меня. А мне было не до сме-

ха.

Я стряхнул овощ или фрукт неизвестного происхождения с подошвы. Он был черный, сморщенный, будто пролежал здесь сто лет.

Бобби подкатил бочку от дальнего угла дома, ржавую, с налипшей грязью. Из которой уже проросла мелкая трава по всей поверхности.

– Давай сюда! – махнул он мне рукой, вмиг забравшись на нее.

Я подошел, забрался на бочку, потом встал на предоставленные мне руки Бобби, сомкнутые в замок. Наступил чистой ногой и оттолкнулся, вытянувшись вверх. Пальцами сравнялся с карнизом, чуть ниже окна. Подтянулся, зацепился за подоконник, ногами встал на карниз. Окно было темным. Посередине отверстие, от которого тянулся по окружности узор из трещин. Снял кепку, держась за карниз, натянул на кулак и аккуратно толкнул стекло внутрь. Повторил это, пока проем не стал безопасным. Сердце бешено стучало в груди. Вниз я старался не смотреть.

– Ну что там? – раздался голос под ногами. Бобби отошел в сторону, дабы я по случайности не спрыгнул ему на голову.

– Все хорошо, я полез. Будь тут! – ответил я и протиснулся в оконную раму. Я провалился в темноту, и едва устоял. Ногами нащупал что-то мягкое, это была кровать. Оттряхнул кепку и натянул обратно на голову. Хоть глаз выколи.

– Толстяк! – раздалось в тишине. Голос Бобби доходил

сюда, будто из другого мира. Мира светлого, не накрытого толстым одеялом мглы, которая окутала меня со всех сторон. Я протиснулся обратно в окно, стараясь не угодить руками в осколки. Выглянул на задний двор. Бобби вытанцовывал в засохшем саду. Ему там хорошо, пронеслось у меня в голове. Зря я на это подписался.

– Фонарь давай!

– Блин, я щас! Он в сумке на велике остался, – и Боб скрылся из виду.

Стоя на кровати, я огляделся. В свете, проходившем сюда с улицы, виднелась только пыльная простыня, да одна рваная занавеска, вторая почему-то отсутствовала. На кровати лежал камень – видимо им когда-то и нанесли ущерб окну. Вернулся Бобби, размахивая фонариком в руке. Со второй попытки он забросил его в мои объятия, и я едва не свалился от полученной подачи.

– Я пошел, – я махнул ему рукой и скрылся внутри дома. Щелкнул переключателем на рукояти фонаря и сноп света озарил комнату. Забежали причудливые тени. Я чуть не взвизгнул, когда луч упал на зеркало, а в отражении была моя физиономия.

– Господи.

Я спустился с кровати, освещая себе путь под ногами. Воздух был затхлый. Пыль поднялась кверху и витала, словно снежинки, в луче света. Старый большой комод справа, пианино, какие-то чемоданы на полу, сверху вещи. Я будто

вторгся в чужую жизнь. Будто вор, искавший, чем бы поживиться. Но жизни в доме давно не было. Чувствовалась мертвая пустота, которой здесь все было пропитано. Из темноты выплыла еще одна кровать, задранный ковер под ногами, будто специально сбуровленный, чтобы посторонний, оказавшись здесь, споткнулся и растянулся во весь рост на полу. Щелкнул на стене выключателем, когда заметил его на стене, но электричества, как бы я не надеялся, здесь не было.

– Ты там живой? – донеслось с улицы. Честно говоря, мне не хотелось орать в ответ, находясь здесь. Не хотелось нарушать тишину, которая обитала здесь годами. Я вновь забрался на кровать и ответил ему, что все хорошо. Потом опять направился изучать дом. Комната кончилась, и дальше протянулся длинный коридор. Стук в груди отдавал в виски. Я аккуратно переставлял ноги и двигался вперед. Вдоль стены висели картины. Девочка спит рядом с огромным волком. Дальше двое на лодке гребут в шторм. Еще дальше – толпа стоит вокруг человека, распластавшегося неестественно на земле, он на картине выглядел так же, как выпавший из окна самоубийца. Все изображены в старинных одеяниях, париках, фраках. Я на секунду зажмурился. Когда открыл глаза, с ужасом понял, что вся толпа с холста пялится на меня. Даже тот человек, растянувшийся на земле. Нет! Я закрыл глаза со страху. Открыв, понял, что мне все это мерещится. Направился дальше, едва придя в себя. Вцепившись руками в фонарик, миновал небольшую картинную га-

лерею, и оказался на винтовой лестнице. Над ней неподвижно замерла люстра времен эпохи возрождения. Прямо – старая вешалка и коридор, заканчивающийся дубовой дверью. Стеклянная ручка отражала свет фонарика, и от этого по стенам вокруг мелькали тени. Глянул вниз, куда уходили ступени. Фонарь выхватил из тьмы большой стол, громадные напольные часы, стрелки которых замерли в одном положении навсегда. Мусор на полу, какое-то белье, газеты, хаотично разбросанные неизвестно кем и когда. Что-то бесформенное расстелилось на полу, а сверху было прикрыто целлофаном. Труп, пронеслось в отдаленной части мозга. Но трупом оказался свернутый ковер. Я каким-то чудом набрался смелости глянуть под целлофан. Облегченно вздохнув, направился дальше. Фонарик выудил из темноты рядом стоящие стулья, один из них завалился набок, словно местный пьяница. Около – какие-то чемоданы, набитые доверху барахлом. На столе древняя печатная машинка, стеклянные кувшины, перевернутые зачем-то дном кверху. Посуда на столе, пыльная как чулан у нас дома. Свечи с подтекшим по краям воском. Камин в дальнем углу, черный, как сажа. Полная разруха. Скрипнула где-то наверху половица, и я вздрогнул, вслушиваясь в тишину. Да, домишко словно из фильма ужасов. Я поравнялся с дубовой дверью и повернул ручку. Та осталась у меня в руках. Я смутился, и аккуратно положил ее на пол. Отверстие, образовавшееся в двери от сломанной ручки, будто излучало тусклый свет. Я присел и на-

вел фонарь в дыру. Ничего не увидел. Прислонился глазом к прорези от ручки. По ту сторону какие-то картонные коробки. Но сердце ушло в пятки, когда я посмотрел чуть левее. Керосиновая лампа стояла на полу, а рядом, с той стороны, на скважину от ручки глядел маленький ребенок. Лысый и со стеклянными глазами. Я вмиг отстранился в ужасе. Кукла! На меня с той стороны смотрела кукла. Лампа горела рядом с ней! Здесь кто-то еще живет?! Дверь с той стороны начала отворяться, издавая скрип, похожий на вопль из недр преисподней. Я уже бежал со всех ног. Фонарь вылетел у меня из рук и укатился вниз по винтовой лестнице. Свет позади медленно заполнял коридор и нарастал. Скрип въедался мне в мозг до того момента, пока я достаточно не отдалился, заскочив обратно в комнату с пианино. Мне это снится? Глаза почти привыкли к темноте, когда я выглянул в коридор, смотря на появившийся проем, из которой лился свет. Из-за приоткрытой двери на уровне ног появилась рука, затем еще одна. С той стороны комнаты с дубовой дверью что-то выползло в коридор. Нечто. Оно двигалось ко мне. Длинные руки тянулись в мою сторону. И я заорал. Завопил как резанный поросенок. Еще бы мгновение и я, без доли сомнения, с разбегу вылетел бы в окно, откуда забрался, и плевать, что это был не первый этаж. Но тут на лестнице возник Бобби, и в его руках зажегся фонарь, тот, который я выронил.

– Чего орешь, толстяк, – сказал он спокойным голосом. – Бездомного испугался?

– Я...э-э-э..., – мне показалось, что я потерял дар речи.

– Мужик, вали отсюда, – Бобби пнул пьяницу в рваной одежде. Тот растянулся и лежал на полу, пытаюсь встать. Мое воображение эту сцену превратило в кошмар. Это был просто какой-то бездомный алкаш. Запитое бородатое лицо и шапка набекрень. В руке бутылка спиртного. В комнате, откуда он появился, лежал драный матрас.

Бобби опять повторил бездомному, что бы тот проваливал. Бездомный облокотился на поручни лестницы, что-то промычал и обиженно побрел вниз, едва передвигая ноги. Он бормотал себе что-то под нос, но я так ни слова не разобрал. Я стоял как статуя. Чувство страха все еще не покидало мое тело. Ноги стали тяжелыми, неподъемными.

– Там внизу дыра, он там и пролез сюда, алкаш чертов. Ты белый, будто покойника увидел. Ау! Крейсер вызывает толстяка, прием!

– Завязывай, – пришел в себя я, – он меня напугал до чертиков.

– Нашел че-нить? Тут столько всего, там внизу есть чем поживиться, видел, да?

– Ты говоришь, как вор.

– Не, у меня все есть. Ну, кроме свежих выпусков комиксов. Не думаю, что старуха их читала. Да и девчонка. Девчонки по другим глянцевым журналам тащатся, помадки там, туши всякие.

– Спасибо, что пришел, Бобби. Мне, по-честному скажу,

этот дом не нравится. Здесь аура такая, так и веет смертью.

– Аура? Бомжей она, смотрю, вообще не колышет, – засмеялся друг. – Идем.

Он взял керосиновую лампу из комнаты, сказал, что забрет ее домой как трофей. Мне вручил фонарик. Потом пнул куклу в комнате так, что она вылетела из помещения и спикировала вниз туда, где заканчивалась лестница.

– Картины жуть, – сказал я, когда свет выхватил стену справа. Бобби даже не обернулся, он вприпрыжку сбегал по лестнице, шумно топая. На одной из картин я заметил краем глаза, что пропало изображение самоубийцы, распластавшегося на земле. Он словно выбрался из картины. Или его там изначально и не было вовсе?

– Идиот, – тихо выкрикнул я вслед другу, наблюдая, что он чудит.

– Не дрейфь, старик! – отозвался он и пропал внизу. Я спустился к длинному как баржа столу. Едва не налетел на стул. Светил фонариком в спину другу. Тот уже, оказавшись внизу, пытался жонглировать тарелками, но только поднял в воздух клубы пыли. Да еще и тарелки шмякнулись от его дурачеств.

– Толстяк, смотри, это ты! – нарисовал он пальцем по слою пыли на столе перекошенную мордочку.

– Ты Пикассо, мой друг, – лениво ответил я, – думаешь, бездомный ушел?

– Конечно! К тебе домой, – заржал Бобби.

Мы осмотрели первый этаж. Заколоченный входной проем с этой стороны выглядел, как и снаружи. Куча писем на полу. Бобби снес их по ходу. Лампа в его руке раскачивалась как маятник.

– Смотри, кухня! Может там чипсы завалились?

– Думаю, крысы бы их давно слопали, – не успел я договорить, как одна жирная крыса прошмыгнула мимо нас и скрылась в темноте. Бобби рванул за ней, будто они с ней поспорили, кто вперед добежит до определенной точки.

– Не забудь спросить про чипсы у своей подружки, – крикнул ему вслед я. В ответ была тишина. Свет его лампы растворился впереди и пропал, будто закончилась горючая жидкость. Я осмотрел старые напольные часы, стрелка стояла на без пяти девять. Интересно, сколько лет прошло с того момента, когда они остановились? Был ли здесь кто-то в живых, когда стрелка замерла? Тут я вспомнил про друга.

– Бобби!

Тишина. Ветер раскачивал дверь сарая далеко на улице, но звук долетал и сюда.

– Бобби, не смешно уже нифига! – крикнул я в то место, где он скрылся. Фонарик выудил из темноты очертания холодильника, длинной столешницы с шрамами от работы ножа, раковину с отсутствующим смесителем. Я шагнул в кухню. Никого. Шкафы на уровне глаз распахнуты и пусты. Об одну дверцу я чуть не стукнулся, козырек кепки спас от синяка.

– Бобби! – крикнул я уже во весь голос. Тишина в ответ.

Что-то зашаркало со спины. Будто кто-то передвигал мебель. Я развернулся и увидел Бобби, держащегося за живот – он корчился от смеха. Ногой он возил в охапке газет на полу. А другой шуршал целлофаном, из-под которого выглядывал ковер.

– Ты мудазвон! Хватит меня пугать! Я сваливаю короче!

– Ну не кипятись! Ты бы видел свои глаза! Бобби, Бобби, – хихикал друг. – Пойдем, кое-что покажу. Я кое-что нашел. Тебе понравится.

Я постоял ровно секунду, после того как он отправился вглубь дома. Потом пошел за ним следом. Больше я Бобби живым не видел.

* * * *

В ту ночь завалился спать как убитый, будто разгрузил целый состав с цементом. Я очень устал, словно дом высосал из меня все жизненные силы. Кажется, как только голова прислонилась к мягкой поверхности подушки, мое сознание мгновенно растворилось во сне. Мне снилось, как я вновь иду в тот самый дом, дверь открывается сама мне навстречу, и я спускаюсь в подвал. С потолка свисают тряпичные тела неизвестных животных, я пробираюсь внутрь и меня встречает старуха. Серые локоны спускаются с ее лица до колен, из-под них я вижу лишь острый нос и безобразную грудь. Ни глаз, ни рта. Рядом со старухой сидят два черных пса. Они

смотрят на меня, и она, их хозяйка, не сводит с меня своего взора. Я пытаюсь ей что-то объяснить, сказать, что я здесь случайно, что я сейчас уйду. Но она лишь указывает средним пальцем с громадным когтем мне в лицо. Собаки подскакивают. Следующим кадром они жрут меня живьем.

Проснулся мокрый как лягушка. Подушка и простыня пропитались потом. Выглядело это так, словно я сходил помаленькому под себя. Я хватал ртом воздух, словно кто-то меня душил во сне. В комнате царил полумрак, и я лихорадочно начал ощупывать себя с головы до ног. Я прекрасно понимал, где реальность и где сновидения – но сегодня они будто сплелись воедино. Я в порядке, это всего лишь кошмар. Черт, да он был таким реальным! Кадры с псами, терзавшими мои руки, кадры с кусками, вырывающимися из моей плоти цепкими зубами – эти кадры, они мельтешили у меня в голове, будто взбесившиеся марионетки. Я встал и побрел на кухню, выпил воды из фильтра, а то в горле пересохло. Долго стоял, задумавшись, пока полностью не вернулся в реальный мир. Направился обратно в постель. Зажмурил глаза, проходя через темный коридор в спальню. Даже не зная, что правильно сделал в этот раз, когда закрыл глаза. Потому что в проходе стояла сгорбившаяся старуха.

* * * *

– Ты опять лунатил, сынок, – сказала мама, когда я нали-

вал молока в хлопья. Мы сидели на кухне. Точнее я, а она только пришла и щёлкнула выключателем у чайника. Лицо у нее было заспанное, а волосы выглядели так, словно она начала делать завивку, а потом бросила это глупое дело на полпути.

– Я не помню, мне кажется, я дрых как убитый.

– Я ночью пошла в туалет, смотрю свет в прихожей. Увидела тебя, сидел с закрытыми глазами на краю ванной, вода из крана бежала. Видимо включил во сне.

– Это так странно. Наверное, потому что вообще такого не помню. Чувствую себя сумасшедшим каким-то.

– Ну, если бы у тебя было это в первый раз за все время, я бы напугалась. Но ты сам прекрасно же знаешь, что у тебя такое бывает. Я тебя проводила в твою комнату, ты тут же уснул.

– Блин, я не помню. Помню, как попить вставал и все.

Зато я помнил свой сон. Свой жуткий сон. В нем был тот дом.

* * * *

Лето подходило к концу. Теплый август скрылся там, куда уходят заканчивающиеся месяцы. Миновала уже половина сентября и школьные занятия были в самом разгаре. Бобби сидел рядом, рисуя в учебнике истории ручкой какую-то мордашку. Наша парта стояла в самом дальнем углу класса.

Шторки на окне рядом лениво раскачивались, и из-под них в помещение залетал ветерок, то и дело сдвигающий тетради в разные стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.